

Я счастливая старуха!

Когда Марк Захаров пригласил Леонида Броневского в Театр Ленинского комсомола, мэтр поначалу удивился: «Как я буду выглядеть рядом с комсомольцами!?» Но, подумав, сказал: «А с другой стороны, у вас же там служит вечная пионерка Татьяна Пельтцер! Рядом с ней я и за октябреньку сойду». Это была, конечно, шутка. Знаменитая актриса и в преклонном возрасте по сути своей, по состоянию души оставалась всегда энергичной и юной. Поэтому, если бы ей и передали слова Броневского, она вряд ли бы обиделась. Скорее, ответила бы ему в своем привычном стиле – искрометно и экстравагантно.

И все же время есть время – в честь 100-летия со дня рождения Татьяны Ивановны Пельтцер по России прошли торжественные мероприятия, посвященные этой памятной дате. Издатцентр «Марка» также принял участие в чествовании замечательной российской актрисы – выпущена художественная почтовая открытка с ее изображением.

Парадокс, но «вечную пионерку», актрису Татьяну Ивановну Пельтцер почти никто не помнит действительно молодой. В театрах, где она работала, ее всегда называли «бабушкой». И эта «бабушка» неизменно оставалась всеобщей любимицей, правда, с очень непростым характером. За свою язвительность, непредсказуемость и прямолинейность она унаследовала славу Фаины Раневской, обладавшей великолепным чувством юмора. Вспомните годы перестройки, когда многие известные актеры начали сниматься в рекламе. Пельтцер отнеслась к этому со свойственной ей долей иронии: «Когда-то я мечтала, чтобы мои портреты были на афишах. А теперь... лишь бы не на туалетной бумаге!»

К слову сказать, о Татьяне Пельтцер при ее жизни не было опубликовано не то что книги, но даже небольшой брошюры. Может быть, потому, что сама героиня несколько об этом не заботилась?

Родившись в Москве, в семилетнем возрасте она ступила на провинциальные подмостки. Ее творческими университетами стали сцены театров от Киева до Нахичевани. А первым учителем был отец, замечательный актер и режиссер Иван Романович Пельтцер. От отца Татьяна Ивановна унаследовала бесценный дар живого видения мира, необычного и всегда неожиданного восприятия самой жизни. Говорят, что она вообще была очень похожа на него, особенно по темпераменту. Один из первых заслуженных артистов республики, Иван Пельтцер много снимался в кино: «Белеет парус одинокий», «Медведь», «Большая жизнь»... Вместе с ним за долгие годы странствий Таня сыграла несчетное количество ролей.

За работу в постановке «Дворянское гнездо» девятилетняя девочка впервые получила гонорар, а через год впечатлительных дам выносили из зала без чувств: так на них действовала сцена прощания Анны Карениной с сыном. Сережу Каренина играла юная Пельтцер.

Многообещающее начало... и кто бы мог подумать, что актрисе потребуется более тридцати лет упорной работы, чтобы, наконец, сказать свое слово и быть услышанной в мире театра и кино. Но все по порядку. Юная актриса продолжала колесить по стране. Она играла на сцене передвижного театра Политуправления, работала в Ярославском драматическом театре им. Ф. Волкова, Колхозном театре в Москве, вышла замуж за немецкого коммуниста Ганса Тейблера, уехала в Берлин и, расставшись с мужем, вскоре вернулась в Москву. Не имея высшего образования, служила машинисткой в советском торгпредстве, на машиностроительном заводе... и не оставляла театра. Пельтцер пробовала свои силы в жанре миниатюры, конферировала, начинала сниматься в кино, но ее первая большая кинороль («Простые люди», 1945 г.) легла «на полку» на долгих одиннадцать лет...

Неожиданно всенародную славу принесла актрисе «Свадьба с приданным» – спектакль, удостоенный Сталинской премии. В этой пьесе Пельтцер сыграла пьющую старуху Лукерью Похлебкину. И после того, как постановка была экранизирована, зрители еще долгое время писали артистке искренне-заботливые письма с советами, как избавиться от алкоголизма.

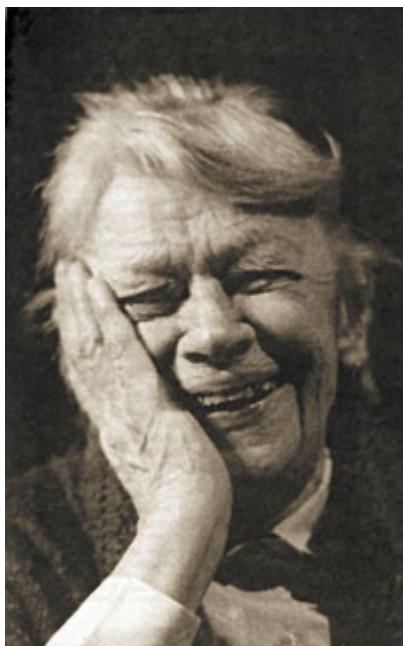
Шло время, и вот, окончательно перебравшись в Москву, она поселилась вместе с отцом на улице Черняховского, возле станции метро «Аэропорт». Их соседями были Рыбников и Ларионова,

Гайдай и Гребешкова, Булгакова, Румянцева, Кубацкий... Каждое утро Иван Романович спускался во двор со своим любимцем – огромным попугаем. Актер чинно заводил беседу с кем-нибудь из соседей, а попугай, нетерпеливо раскачиваясь у него на плече, пытался переключить внимание на себя: «Ваня! Ваня! Ваня!» И, не находя ответа, негодуя взрывался: «Пельтцер, мать твою!!!» Попугай, как и его хозяева, пользовался огромной популярностью.

Когда же открылся Московский театр миниатюр, Пельтцер вышла на сцену в замечательной компании Рины Зеленой, Марии Мироновой, Александра Менакера... Затем ее приняли в труппу Театра Сатиры, где она прослужила тридцать счастливых лет! Там, в середине 60-х, актриса познакомилась с Марком Захаровым, которого пригласил из студенческого театра В. Плучек. Позднее, несмотря на разницу в возрасте, Пельтцер и Захаров станут большими друзьями, но тогда... в силу своего характера, ершистости и задиристости, она не сразу прониклась доверием к молодому режиссеру. Актеры вспоминают, что, когда Марк Захаров объяснил замысел своего спектакля «Доходное место», в зале раздался громкий голос Татьяны Пельтцер: «Ну что это такое!? Если человек ничего не умеет, он сразу лезет в режиссуру!» Однако спектакль у Захарова получил- ся, Пельтцер с неподдельным интересом работала с ним в «Доходном месте» и играла еще в пяти постановках, исполняя главные роли.

Надо сказать, что «звездная болезнь» никогда не преследовала актрису. Она была слишком мудра для того, чтобы культивировать и окучивать ростки собственной популярности. Бесконечно радуясь жизни, цenia каждое мгновение, счастливое или печальное, Пельтцер не переставала улыбаться, излучая веселье и посмеиваясь над превратностями собственной судьбы.

Как-то труппа Театра Сатиры отправилась в Германию. На первом же КПП строгий майор начал всячески придирается к мелочам. Заметив Татьяну Ивановну, он расплылся в улыбке: «Ой, кого я вижу! Товарищ Пизнер!» «Ну, вот я и знаменита!» – весело воскликнула Пельтцер.

И действительно, с этого момента предложения от кинорежиссеров посыпались на актрису со всех сторон: «Солдат Иван Бровкин», «Максим Перепелица», «Деревенский детектив», «Старая, старая сказка», «Морозко»... более восьмидесяти картин! (Впрочем, кто же их считал?) И при этом она не оставляла театра, да еще и озвучивала мультфильмы.

Конец 60-х и начало 70-х были для нее победными и радостными. Именно тогда она часто повторяла сказанную на своем 70-летнем юбилее фразу: «Я – счастливая старуха!» В театре она играла Прасковью в «Старой деде», мадам Ксидиас в «Интервенции», Марселину в «Безумном дне, или Женитьбе Фигаро», мамашу Кураж, Фрекен Бок, блистала в «Маленьких комедиях большого дома»... Зрителям казалось, что такой, какой она была на сцене, она оставалась и в жизни – близкой, понятной, что все ей давалось легко и просто. А это шло от мастерства. Именно мастерство, отточенное, отшлифованное годами, создавало ощущение ее пребывания на сцене

сплошной импровизацией. На самом деле она всегда опиралась на партнеров, сразу же в них «влюбляясь».

И тем не менее, не дай Бог было попасться ей на язык. Острое словцо, точный, насмешливый взгляд, неприязнь к фальши, все ее естество сразу же «перло, как трава сквозь асфальт». Не всем актерам нравилась ее прямолинейность. Некоторые откровенно недолюбливали Пельтцер за прямоту, бескомпромиссность и своенравный характер. Например, как-то на собрании труппы, после выступления Пельтцер Борис Новиков вскричал: «А вы, Татьяна Ивановна, помолчали бы! Вас вообще никто не любит, кроме народа!»

Те же, кому она покровительствовала, не чаяли в ней души. Пельтцер боготворила Андрея Миронова, которого считала своим сыном, была неразлучна с ним с первых дней его жизни и всем «надоедала» своими тостами за здоровье любимца и рассказами о его появлении на свет 8 марта. Она умела дружить и ценить дружбу, с радостью спешила в гости и на спектакли к Фаине Раневской, часто принимала у себя дома молодых и «безнадежных» артистов и ночи напролет играла в преферанс с Валентиной Токарской, с удовольствием вспоминая, как на гастролях в Париже они убегали от приставленных к труппе комитетчиков и «шатались» по ночным кабакам и клубам. Еще Пельтцер обожала смачные, «чуть ли не солдатского пошиба» анекдоты и мастерски их рассказывала, а на юбилее Георгия Тусузова преспокойно сидела на столе, болтая ногами и с упоением откусывая бутерброд с колбасой. При этом «в другой руке она держала рюмку, смотрела на выступающего смеющимися глазами и вновь была озорной девчонкой...» Впрочем, не вновь. Она оставалась ею всегда: непредсказуемой, своевольной, разной... Ведь при всей видимой простоте и «хулиганистости», на сцене и в кино Пельтцер превосходно владела такими деталями, которые для многих актеров были безвозвратно утрачены. Актриса точно знала, как держать веер и как им играть, как выставить ножку в реверансе и как повести плечиком... Откуда? Сама элегантность, сама галантность... Но режиссеры ее побаивались. Яростная перепалка перед съемкой была для нее традиционным допингом, после которого Пельтцер выпархивала на площадку как ни в чем не бывало и обезоруживала всех своим неповторимым искусством. И ей все прощалось. Окружающие видели уникальную актрису, способную вытянуть любую роль, даже совершенно не выпитую ни драматургически, ни режиссерски.

А ее поразительная работоспособность не раз давала фору и молодым. Пельтцер всегда казалось, что если она остановится, если не будет играть и не станет сниматься, то ее скоро забудут и в конце концов она умрет с голоду. Поэтому, нисколько не заботясь о здоровье, вопреки рекомендациям врачей, она продолжала играть и при этом курила, пила крепчайший кофе и все время бегала, бегала, бегала. Это был ее ритм, ее стиль, ее образ жизни.

Вы смотрели «Приключения желтого чемоданчика» или «Руки вверх!»? Чем бы нам запомнились эти детские ленты, если бы не бабушками в исполнении Татьяны Пельтцер? Кто еще из наших актрис мог в семьдесят лет танцевать на крыше, прыгать с забора, бегать с песнями по мостовым, кататься, стоя на крыше троллейбуса?!

Было немало баек о том, что Пельтцер не умела ходить пешком. Марк Захаров, к примеру, вспоминает, что поговорить с Пельтцер было практически невозможно. «Двигалась она на большой скорости, все больше бегом, не сразу догонишь... И вот накануне ее восьмидесятилетия я попытался это сделать. Бежим некоторое время рядом, разговариваем:

– Как будем отмечать юбилей, с размахом?
– Не хочу размаха, – отвечает, – хочу новую роль!
– А приветственные речи куда денем?
– А приветственные речи оставим до осени».

И она убежала по лестницам «Ленкома», куда Захаров «утащил» знаменитую актрису из Са-тиры. «После тридцати лет работы в популярном столичном театре вдруг поменять все на свете и начать жить сначала, – говорил он: – Для этого нужен особый характер! У Татьяны Ивановны он есть. Азартный. Рисковый. Поэтому я посторонних режиссеров в театре боюсь, чтобы опять не похитили».

Пельтцер сыграла в пьесе «Три девушки в голубом», в «Тиле», в «Поминальной молитве», но настоящих, характерных ролей в молодежном театре для нее все-таки было мало. Со свойственной ей колючестью и своенравностью она наотрез

отказывалась от роли в «Дорогой Памеле», не принимая ни трактовку пьесы, ни ее постановщика: «Чего это я сдуру на сцене в ванну полезу!?» И, не умея бездельничать, все свое внимание сосредотачивала на небольших ролях, а то и вовсе эпизодах, где, правда, не только не терялась, а часто и «перетягивала на себя все одеяло».

Среди молодежи театра Пельтцер же чувствовала себя, как рыба в воде. Она с интересом смотрела их спектакли, с неподдельным уважением относилась к их поискам, восхищалась трудолюбием и самоотдачей. Она всегда оставалась наравне с ними, ничем себя не выделяла, никогда не «мэтрствовала» и поэтому никто не замечал ее возраста. Молодые актеры чувствовали бесконечное доверие к актрисе. Она не лгала, не кривила душой. Ругала, вворачивала словцо позакывристее, но за удачу –

хвалила от души и не переставала быть требовательной к себе.

Со слов режиссера: «Татьяна Пельтцер укрепила труппу «Ленкома» веселой и мудрой обстоятельностью. Всю жизнь, имея дело с комедией, с этим крайне опасным жанром, который нередко с годами превращает актера в безжизненную маску, которая штампует набор привычных интонаций, Пельтцер только оттачивала свое мастерство и усиливала тонкое психологическое построение роли. Когда в театр приходит сложившийся актер, зрелый мастер, он непременно приносит накопленный опыт. Для Пельтцер каждая роль – начало. Она, как школьница, внимает учителю и готова сидеть до утра, чтобы выучить урок. И при этом она способна казнить и винить себя, ей неловко перед партнерами, если из-за нее останавливают репетицию, если у нее что-то не получается. Ей абсолютно чуждо «профессорство», она за более чем полувековую жизнь в театре не стала «академиком».

И действительно, «отчаянно веселый человек», Татьяна Пельтцер и тут постоянно рассказывала смешные истории, весело пародировала всех – от главного режиссера до себя самой, и вокруг нее всегда толпились оживленные, хохочущие люди. Остроумная и дерзкая, она смеялась и над своими годами, не желая признавать старость, требующую жалости, покоя или сострадания.

Выдающаяся актриса, лауреат Государственной премии, самородок, народная артистка СССР, любимица миллионов, создательница галереи неутомимых, энергичных и всегда озорных и остроумных женщин, Татьяна Ивановна Пельтцер оставалась самой эксцентричной из всех актрис...

Эффект разорвавшейся бомбы произвела в 1991 году небольшая заметка в центральной прессе под названием «В палате с душевнобольными». В ней говорилось о том, что всеми любимая актриса помещена в общую палату клиники для сумасшедших и что «местные психи не приняли ее». Разразился скандал, после которого театр приложил все усилия для перевода Пельтцер в элитную больницу. Но... нервное перенапряжение актрисы оказалось необратимым.

Когда Москва прощалась с Татьяной Ивановной, театры «Ленком» и Сатиры были на гастролях. Народу пришло немного. Стояла гробовая тишина. Лишь какая-то представительница «Мосфильма» шептала о том, как женщина – продавец цветов – отдала ей бесплатно два букета, узнав, что цветы – для Пельтцер.

Говорят, что случайность – это неосознанная закономерность. Жизнь человека – это цепь всевозможных случайностей, которые, год за годом, принимают очертания чьей-то судьбы. И все-таки есть люди, которые с самого начала знают свой путь. И если им удастся достойно пройти его до конца, они счастливы, они выполнили свою миссию. Вглядитесь в лицо актрисы. Удивительное лицо... Оно светится счастьем. В нем – озорство и лукавство, ирония, искренность, открытость и бесконечная любовь к нам – зрителям. И еще, несмотря на печать времени, оно поразительно красиво. Может быть, потому, что, двигаясь без остановки, Пельтцер удалось обогнать время? И старость не успела коснуться ее души...

Анна Лысюк